

Элизабет Гаскелл

ЖИЗНЬ  
ШАРЛОТТЫ  
БРОНТЕ



Санкт-Петербург

УДК 929 Бронте  
ББК 83.3(4Вел)-8  
Г 22

Elizabeth Gaskell  
LIFE OF CHARLOTTE BRONTE

Перевод с английского Андрея Степанова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

В оформлении использованы иллюстрации  
© Shutterstock/fotodom/ и © iStock/Getty Images Plus/

**Гаскелл Э.**

Г 22 Жизнь Шарлотты Бронте / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ.  
А. Степанова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,  
2026. — 672 с. + вкл. (16 с.). — (Иностранная литература.  
Большие книги).

ISBN 978-5-389-32013-0

Эта книга посвящена одной из самых знаменитых английских писательниц XIX века, чей роман «Джейн Эйр» пользуется огромным успехом во всем мире. Однако немногим известно, насколько трагично сложилась судьба самой Шарлотты Бронте. Она мужественно и с достоинством переносила все невзгоды и испытания, выпадавшие на ее долю. Пережив родных сестер и брата, Шарлотта Бронте довольно поздно вышла замуж, но умерла меньше чем через год после свадьбы — ей было 38 лет. Об этом и о многом другом (о жизни семьи Бронте, творчестве сестер Эмили и Энн, литературном дебюте и славе, о встречах с писателями и т. д.) рассказала другая известная английская писательница — Элизабет Гаскелл. Ее знакомство с Шарлоттой Бронте состоялось в 1850 году, и в течение почти пяти лет их связывала личная и творческая дружба. Книга «Жизнь Шарлотты Бронте» — ценнейший биографический источник, основанный на богатом документальном материале: Э. Гаскелл включила в текст сотни писем Ш. Бронте и ее корреспондентов (подруг, родных, литераторов, издателей).

Книга снабжена наклейкой с иллюстрациями.

УДК 929 Бронте  
ББК 83.3(4Вел)-8

© А. Д. Степанов, перевод, 2015  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026  
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32013-0

## ГЛАВА 1

Железнодорожная ветка из Лидса в Бредфорд проходит в долине Эра — сонной и вялой реки, особенно если сравнить ее с рекой Уорф. На этой ветке есть станция Китли, расположенная примерно в четверти мили от городка с таким же названием. Число жителей, равно как и значение этого городка, сильно выросло за последние двадцать лет благодаря увеличивающемуся спросу на шерстяную материю — именно ее производством по преимуществу и занято фабричное население той части Йоркшира, главным городом которой и является Бредфорд.

Можно сказать, что Китли сейчас пребывает в переходном состоянии: еще до недавних пор большая старинная деревня обещает теперь превратиться в многолюдный и процветающий город. Приезжий замечает, что стоящие на широких улицах домики с двускатными крышами, выдающимися вперед, уже пустуют. Они обречены на снос и скоро уступят место современным зданиям, тем самым открыв возможность для проезда экипажей. Старомодные узкие витрины, какие было принято устраивать пятьдесят лет назад, сменяются широкими оконными рамами и зеркальными стеклами. Почти все дома служат тем или иным коммерческим целям. Быстро проходя по улицам города, вы вряд ли догадаетесь, где

живет нужный вам адвокат или врач: в отличие от старых городов с их кафедральными соборами, здесь слишком мало домов, внешний вид которых достоин людей этих профессий, представителей среднего класса. Трудно отыскать большее несходство во всем — в жизни общества, в образе мыслей, в отношении к вопросам морали, в поведении и даже в политике и религии, — чем различие между новыми промышленными центрами на севере, такими как Китли, и исполненными собственного достоинства, неспешными, живописными городами юга. Будущее сулит Китли очень многое, но только не по части живописности. Здесь царит серый камень. Ряды выстроенных из него домов сохраняют в своих единообразных устойчивых очертаниях прочность и величие. Дверные каркасы и перемычки окон, даже в самых маленьких домиках, изготовлены из каменных блоков. Нигде не видно крашеного дерева, которое требует постоянного обновления и в противном случае скоро начинает казаться запущенным. Почтенные йоркширские домохозяйки тщательно следят за чистотой камня. Если прохожий посмотрит через окно внутрь дома, то увидит изобилие домашней утвари и повсеместные следы женского прилежания и заботы. Вот только голоса людей в здешних местах грубы и немелодичны. От здешних жителей не ждешь музыкальных талантов, хотя именно ими и славится здешний край, давший музыкальному миру Джона Карродуса<sup>1</sup>. Фамилии их (вроде только что произнесенной), которые можно увидеть на вывесках магазинов, кажутся странными даже приедем из соседних графств и несут в себе явные признаки местного колорита.

От Китли идет дорога на Хауорт — череда домов вдоль нее почти не прерывается, хотя, по мере того как путник

поднимается на серые приземистые холмы, уходящие в западном направлении, расстояния между жилищами увеличиваются. Сначала вы увидите несколько вилл, расположенных так далеко от дороги, что становится ясно: вряд ли они принадлежат тем, кого могут спешно вызвать в город, оторвав от удобного кресла у камина, с просьбой облегчить страдания или помочь в тяжелой ситуации. Адвокаты, врачи и священники обычно селятся ближе к центру города, а не в таких строениях на окраине, скрытых зарослями кустарника от любопытных глаз.

В городе вы не увидите ярких красок: их можно встретить только на витринах, где разложены товары на продажу, но не в природе — в цвете листвы или неба. Однако за городом невольно ожидаешь больше блеска и живости, и от этого проистекает чувство разочарования, охватывающее вас при виде множества оттенков серого, которые окрашивают все, что встречается вам на пути от Китли к Хаурту. Расстояние между ними — около четырех миль, и, как я уже сказала, все оно заполнено виллами, большими трикотажными фабриками, домами рабочих, а также изредка попадающимися старомодными фермами с многочисленными пристройками. Такой пейзаж едва ли можно назвать «сельской местностью». На протяжении двух миль дорога идет по более-менее равнинной местности, оставляя слева холмы, а справа — луга, по которым протекает речка, вращающая колеса построенных по ее берегам фабрик. Все застилает дым, поднимающийся из труб домов и фабрик. Растительность в долине (или в «яме», как ее тут называют) довольно богатая, но по мере того, как дорога поднимается вверх, влаги становится все меньше, и растения уже не произрастают,

а влачат жалкое существование, и дома окружают не деревья, а только заросли кустарника. Живые изгороди сменяются каменными оградами, а на клочках пахотной земли растет бледный серо-зеленый овес.

И вот перед глазами путника, поднимающегося по этой дороге, неожиданно вырастает деревенька Хауорт. Ее видно за две мили: она расположена на склоне крутого холма, под которым простираются тускло-коричневые и пурпурные вересковые поля. Холм же поднимается дальше, за церковь, построенную в самой высокой точке длинной и узкой улицы. Вплоть до самого горизонта видны волнистые линии все таких же холмов; пространства между ними открывают вид только на другие холмы того же цвета и формы, увенчанные все теми же дикими и блеклыми вересковыми пустошами. В зависимости от настроения смотрящего эти пустоши могут произвести различное впечатление: могут показаться величественными тому, кто почувствует разлитое в них одиночество, или же хмурыми, суровыми — тому, кто увидит только их монотонность и безграничность.

Дорога ненадолго отклоняется от Хаурорта, огибая подножие холма, а затем пересекает мост через речку и начинает подниматься в деревню. Плиты, которыми замощена улица, уложены так, чтобы дать лучшую опору для лошадиных копыт, но, несмотря на это, лошади подвергаются постоянной опасности сорваться вниз. Старые каменные дома кажутся больше по высоте, чем ширина улицы. Перед тем как выйти на ровную площадку, мостовая делает столь резкий поворот, что ее крутизна становится больше похожа на отвесную стену. Одолев этот подъем, вы оказываетесь у церкви, расположенной несколько в стороне от дороги — ярдах в ста или около того. Здесь кучер может расслабиться, а лошади — вздох-

нуть свободно: экипаж въезжает в тихую боковую улочку, которая и ведет к дому священника — в хауртский пасторат. По одну сторону этого проулка находится кладбище, а по другую — школа и дом церковного сторожа, где прежде жили младшие священники.

Пасторат стоит боком к дороге, и из его окон открывается вид вниз, на церковь. Получается, что этот дом, церковь и школьное здание с башенкой образуют три стороны неровного прямоугольника, четвертая сторона которого остается открытой и выходит на вересковые пустоши. Внутри прямоугольника помещается заполненное надгробными памятниками кладбище, а также маленький садик, или дворик, у дома священника. Войти внутрь можно через вход, расположенный посередине дома, а от него тропинка заворачивает за угол и пересекает небольшую поляну. Под окнами — узкая клумба, за которой много лет ухаживают, хотя и без особого успеха: на ней все равно вырастают только самые неприхотливые растения. Кладбище окружает каменная ограда, вдоль нее растут бузина и сирень; оставшееся пространство занимают квадратный газон и посыпанная гравием дорожка. Двухэтажный дом построен из серого камня, крыша покрыта плитами, чтобы противостоять ветрам, способным сорвать более легкое покрытие. Возведен он, по-видимому, лет сто назад. На каждом этаже имеется по четыре комнаты. Если посетитель подходит к дому со стороны церкви, то справа он видит два окна кабинета мистера Бронте, а слева — два окна гостиной. Все в этом доме говорит о прекрасном вкусе и исключительной опрятности его обитателей. На ступенях — ни пятнышка, стекла в старомодных рамах блестят, как зеркала. И внутри и снаружи опрятность достигает, так сказать, абсолюта — полной чистоты.

Как я уже сказала, церковь располагается выше большинства деревенских домов. Еще выше находится кладбище, где теснятся высокие прямые памятники. Часовня или церковь считается старейшей постройкой в этой части королевства, хотя по внешнему виду сохранившегося здания этого не скажешь. Исключение составляют два восточных окна, которых не коснулись перестройки, а также нижняя часть колокольни. Внутри по виду колонн можно заключить, что их возвели до воцарения Генриха VII<sup>2</sup>. Вероятно, в стародавние времена на этом месте стояла «филд-кирк», или часовня, а записи в книгах Йоркского архиепископства свидетельствуют о том, что в 1317 году в Хаурте уже была часовня. Тем, кто интересуется датой основания, местные жители показывают следующую запись на одном из камней в церковной башне:

*Hic fecit Cænobium Monachorum Auteste fundator.  
A. D. Sexcentissimo<sup>3</sup>.*

Другими словами, надпись утверждает, что церковь построена еще до принятия христианства в Нортумбрии<sup>4</sup>. Уитейкер утверждает, что причина появления этой ошибки заключается в том, что некий малограмотный камнерез неправильно скопировал надпись, сделанную во времена Генриха VIII<sup>5</sup> на соседнем камне: «*Orate pro bono statu Eustet Tod*»<sup>6</sup>.

В наше время любой антиквар знает, что молитвенная формула «*bono statu*» всегда относится к здравствующему. Я подозреваю, что это единственное христианское имя было ошибочно принято камнерезом за «*Austet*» вместо «*Eustatius*», а слово «*Tod*» было неправильно прочитано как арабская цифра «600», хотя это

слово вырезано весьма четко и прекрасно читается. На основании этой нелепой претензии на древность местные жители развернули борьбу за свою независимость и потребовали, чтобы бредфордский викарий сам назначал священника в Хаурт.

Я привожу этот фрагмент, чтобы стало понятно то ошибочное основание, которое породило смятение, происшедшее в Хаурте примерно тридцать пять лет назад, о чем я при случае расскажу подробнее.

Внутри убранство церкви самое обыкновенное: оно не слишком старо и не слишком ново, чтобы заслуживать отдельного описания. Скамьи для важных лиц сделаны из черного дуба и отгорожены друг от друга высокими перегородками, на дверцах которых белыми буквами написаны имена владельцев. Нигде не видно ни медных памятных досок, ни роскошных гробниц в виде алтарей, ни памятников, только справа от деревянного стола, заменяющего в реформаторской церкви алтарь, вделана в стену доска со следующей надписью:

Здесь покоятся останки Марии Бронте,  
жены преподобного П. Бронте, бакалавра,  
священника в Хаурте.

Ее душа вознеслась к Спасителю 15 сент. 1821 года  
на 39-м году жизни.

*«Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час  
не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24: 44).*

А также покоятся здесь останки Марии Бронте,  
дочери вышеупомянутой, умершей 6 мая 1825 года  
на 12-м году жизни,

а также Элизабет Бронте, ее сестры,  
умершей 15 июня 1825 года на 11-м году жизни.

*«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете  
как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).*

Также покоятся здесь останки  
Патрика Брэнвелла Бронте,  
умершего 24 сент. 1848 года в возрасте 30 лет.

А также Эмили Джейн Бронте,  
умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 29 лет,  
сына и дочери преподобного П. Бронте,  
приходского священника.

Этот камень посвящен также памяти Энн Бронте,  
младшей дочери преподобного П. Бронте, бакалавра,  
умершей в возрасте 27 лет\* 28 мая 1849 года  
и похороненной в старой церкви в Скарборо.

В верхней части этой доски строчки разделяют большие интервалы: когда делались первые записи, поглощенные горем домочадцы не думали о том, что надо оставить место и для имен тех, кто еще был жив. Но по мере того как члены семьи уходили один за другим, строчки теснились, а буквы мельчали и сжимались. После записи о смерти Энн места уже ни для кого не осталось.

Однако еще одной из того же поколения — последней из шести рано лишившихся матери детей — предстояло последовать за всеми, чтобы покинуть на земле в полном одиночестве своего отца. На другой доске, расположен-

---

\* Рецензент заметил несоответствие между указанным на доске возрастом Энн Бронте в год ее смерти (двадцать семь лет в 1849 году) и тем, что она родилась в Торнтоне, откуда мистер Бронте уехал 25 февраля 1820 года. Я знала об этом несоответствии, но оно не казалось мне столь существенным, чтобы устранять его, обращаясь к книгам, в которых регистрируются рождения. По словам мистера Бронте, на которых я основываю свое суждение о месте рождения Энн, «в Торнтоне родились: Шарлотта, Патрик Брэнвелл, Эмили Джейн и Энн». Жители Хаурорта, к которым я обращалась с этим вопросом, утверждали, что все дети мистера и миссис Бронте родились до переезда семейства в Хаурорт. По-видимому, ошибка заключена в надписи на доске. — *Здесь и далее постраничные примечания принадлежат автору.*

ной ниже первой, к скорбному списку была добавлена следующая запись:

Рядом с ними покоятся останки Шарлотты,  
супруги преподобного Артура Белла Николлса,  
бакалавра, и дочери преподобного  
П. Бронте, бакалавра, приходского священника.  
Она умерла 31 марта 1855 года на 39-м году жизни\*.

---

\* В апреле 1858 года в алтарном ограждении хауртской церкви была закреплена памятная доска, посвященная умершим членам семьи Бронте. Она изготовлена из белого каррарского мрамора на основе из серого мрамора, с карнизом над украшенным орнаментом основанием скромного и простого рисунка. Между креплениями, на которых держится доска, вписана священная монограмма I. H. S. [Jesus Homini Salvator — Иисус, Спаситель человечества (*лат.*)] староанглийским шрифтом. Эта доска, исправляющая ошибку предыдущей в определении возраста Энн Бронте, несет следующую надпись римским шрифтом (хотя инициалы выполнены староанглийским): «В память о Марии, жене преп. П. Бронте, бакалавра, священника в Хаурте, умершей 15 сентября 1821 года в возрасте 39 лет, а также о Марии, их дочери, умершей 6 мая 1825 года в возрасте 12 лет, а также о Элизабет, их дочери, умершей 15 июня 1825 года в возрасте 11 лет, а также о Патрике Брэнвелле, их сыне, умершем 24 сентября 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Эмили Джейн, их дочери, умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 30 лет, а также об Энн, их дочери, умершей 28 мая 1849 года в возрасте 29 лет и похороненной у старой церкви в Скарборо, а также о Шарлотте, их дочери, супруге преп. А. Б. Николлса, бакалавра, умершей 31 марта 1855 года в возрасте 39 лет. „Жало же смерти — грех; а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!“ (1 Кор. 15: 56–57)».

## ГЛАВА 2

Для лучшего понимания истории жизни моей дорогой подруги Шарлотты Бронте читателю следует познакомиться с весьма своеобразным характером людей, среди которых прошли ее ранние годы и от которых и она, и ее сестры получили первые жизненные впечатления. Поэтому, прежде чем продолжить свой труд биографа, я представляю читателю общую характеристику населения Хауорта и близлежащей местности.

Даже жители соседнего графства Ланкастер удивляются необыкновенной силе духа, которую выказывают йоркширцы и которая придает им весьма примечательные черты. Волевые качества сочетаются у них с редкой самостоятельностью, придающей им вид столь независимый, что он способен даже отпугнуть приезжего. Слово «самостоятельность» я использую в расширительном смысле. Йоркширцы из области Уэст-Райдинг<sup>7</sup>, кажется, с рождения отмечены такой смелостью, упрямством и силой воли, что каждый из здешних уроженцев полагается только на самого себя и никогда не надеется на помощь соседа. Те редкие случаи, когда кто-либо просил о такой помощи, порождали сомнение в ее целесообразности: достигнув успеха, человек становился зависим от других и вынужден был переоценить свои собственные силы и энергию. Местные жители принадлежат к тем

сообразительным, но недальновидным людям, которые с подозрением относятся ко всякому, чья честность не являет собой доказательство мудрости. Практические качества человека ценятся здесь очень высоко, но чужаков встречают подозрительно и ко всякой новизне относятся с недоверием, которое распространяется даже и на добродетели. Если добрые качества не дают немедленно практического результата, то их отвергают как негодные для этого мира, в котором нельзя ничего достичь без усилий и борьбы, особенно если это качества, относящиеся к размышлению, а не к действию. Страсти в душе йоркширца сильны, и причины этого залегают очень глубоко. Однако эти страсти редко выплескиваются наружу. Грубых и диковатых местных жителей едва ли можно назвать любезными в обращении. Разговаривают они отрывисто, а их манера речи и выговор непривычному человеку, скорее всего, покажутся грубыми. Таковы черты их характера. Одни из них, по-видимому, обязаны своим появлением традициям вольности, присущей горцам, а также уединенности их края, другие могут быть обусловлены их происхождением в древности от грубых скандинавов. Однако в то же время йоркширцы весьма восприимчивы и обладают чувством юмора. Всякий, кто решится поселиться среди них, должен быть готов к тому, что услышит про себя совсем не лестные, хотя и правдивые, замечания, высказанные, как правило, уместно и ко времени. Пробудить чувства у них непросто, но, если удастся, эти чувства сохранятся надолго. Отсюда происходят такие качества, как крепость дружбы и верность своему господину. Чтобы узнать, в каких формах обычно проявляется последнее, достаточно перечитать те страницы «Грозового перевала», где говорится о герое по имени Джозеф.

По тем же причинам в местных жителях развита и ворчливость, которая подчас перерастает в мизантропию, передающуюся от поколения к поколению. Я помню, как однажды мисс Бронте привела мне поговорку жителей Хауорта: «Храни камень в кармане семь лет, потом переверни его и храни еще семь — пусть он будет у тебя всегда под рукой на случай, если твой враг подойдет поближе».

Когда же дело касается денег, жители Уэст-Райдинга превращаются в настоящих гончих. Мисс Бронте описала моему мужу забавный случай, наглядно показывающий эту тягу к богатству. Некий ее знакомый, мелкий фабрикант, занимался торговыми операциями, которые неизменно заканчивались удачно, в результате чего он составил себе некоторое состояние. Этот человек уже давно прошел середину жизненного пути, когда ему взбрело в голову застраховаться. Не успел наш герой получить страховой полис, как вдруг заболел, причем настолько серьезно, что не возникало сомнений: через несколько дней наступит фатальный исход. Доктор не без колебаний открыл больному, что его положение безнадежно. «Ага! — вскричал фабрикант, мигом обретая прежнюю энергию. — Значит, я *делаю* этих страховщиков. О, я всегда был счастливчиком!»

Здесьшний народ сообразителен и схватывает все на лету, набожен и настойчив в преследовании добрых целей, хотя способен и заблуждаться. Местные жители не слишком эмоциональны, у них нелегко вызвать дружеские или враждебные чувства, но если они кого-то полюбят или возненавидят, то заставить их изменить свое отношение бывает почти невозможно. Это сильные в физическом и душевном отношении люди, одинаково способные и к добрым, и к злым поступкам.

Шерстяные мануфактуры появились в этой области еще при Эдуарде III<sup>8</sup>. Принято считать, что в те времена сюда прибыла целая колония фламандцев, осевших в Уэст-Райдинге и обучивших местных жителей тому, как можно использовать шерсть. Та смесь сельскохозяйственного и фабричного труда, которая заняла после этого господствующее положение в Уэст-Райдинге и доминировала вплоть до самого последнего времени, выглядит очень привлекательно лишь с большой временной дистанции, оставляющей впечатление чего-то классического, пасторального, когда детали либо забылись, либо погребены в трудах ученых, исследующих те немногие отдаленные уголки Англии, где еще сохраняются старинные обычаи. Картина, представляющая хозяйку дома и ее служанок, наматывающих шерсть на большие барабаны, в то время как хозяин пашет в поле или пасет свои стада на пурпурных вересковых пустошах, весьма поэтична и вызывает ностальгию. Но там, где подобные картины сохраняются в наши дни, мы слышим из уст живущих такой жизнью людей множество рассказов о деревенской грубости в сочетании с купеческой прижимистостью, о беспорядочности и беззакониях — рассказов, мало что оставляющих от образов пастушеской простоты и невинности. Было бы большим преувеличением считать, что для той эпохи, память о которой все еще жива в Йоркшире, не подходили преобладавшие тогда формы общественного устройства, хотя мы и понимаем сейчас, что они постоянно приводили к злоупотреблениям. Неуклонный прогресс заставил их навеки уйти в прошлое, и стараться воскресить их сейчас было бы так же нелепо, как взрослому человеку пытаться натянуть на себя собственную детскую одежду.

Патент, полученный олддерменом Кокейном и последовавшие за тем ограничения, наложенные Яковом I<sup>9</sup> на экспорт неокрашенного шерстяного сукна, на которое Голландские штаты ответили запретом импорта сукна, окрашенного в Англии<sup>10</sup>, нанес сильный удар по уэст-райдингским фабрикантам. Любовь к независимости и неприязнь к власти, равно как и их умственное развитие, подталкивали к восстанию против религиозного диктата таких князей церкви, как Лод<sup>11</sup>, и против правления Стюартов. Ущерб, нанесенный королями Яковом и Карлом<sup>12</sup> тому делу, которым в Уэст-Райдинге зарабатывали на жизнь, превратил большинство его жителей в сторонников республики. У меня еще будет впоследствии возможность дать несколько примеров проявления добрых чувств, равно как и обширных знаний по вопросам внутренней и внешней политики, которые выказывают в наше время жители деревень, лежащих по сторонам горного хребта, отделяющего Йоркшир от Ланкашира; эти люди принадлежат к одному типу и обладают сходными свойствами характера.

Потомки воинов, сражавшихся в войсках Кромвеля при Данбаре<sup>13</sup>, владеют землями, некогда завоеванными их предками, и, наверное, нет в Англии другого уголка, где республиканские традиции и память о Содружестве<sup>14</sup> сохранялись бы так долго, как здесь, среди работников шерстяных фабрик Уэст-Райдинга, для которых восхитительная коммерческая политика лорд-протектора отменила все торговые ограничения. Я слышала из надежного источника, что не далее как тридцать лет назад фраза «во дни Оливера» еще всюю использовалась для обозначения времени необыкновенного процветания. Имена, которые дают новорожденным в том или ином месте,

всегда указывают, кого здесь считают героями. Серьезные люди, имеющие твердые политические убеждения и непоколебимые в делах веры, не видят ничего смешного в именах, выбранных для своих потомков. И сейчас еще можно найти неподалеку от Хауорта детей, которым предстоит прожить жизнь Ламартинами, Кошутами или Дембинскими<sup>15</sup>. Кроме того, свидетельством вышеописанных качеств жителей этого района является тот факт, что библейские имена, распространенные у пуритан, все еще сохраняются в йоркширских семьях, принадлежащих к среднему и низшему классу, причем это не зависит от их религиозных убеждений. Есть многочисленные письменные свидетельства того, что отставленные от своих мест во время репрессий Карла II<sup>16</sup> священники получали теплый прием как у местного дворянства, так и у здешних бедняков. Все это говорит о давнем еретическом духе независимости, отличающем до сего дня население Уэст-Райдинга.

Приход Галифакс граничит с бредфордским приходом, частью которого является хауортская церковь. Оба расположены на схожей — холмистой и невозделанной — земле. Изобилие угля и горных речек делает этот район крайне привлекательным для строительства фабрик. Поэтому, как я уже отмечала, местные жители в течение столетий занимались не только сельским хозяйством, но и ткачеством. Однако торговые отношения долго не приводили к улучшению жизни и приходу цивилизации в эти отдаленные деревеньки и разбросанные по холмам дома. Мистер Хантер в своей «Жизни Оливера Хейвуда»<sup>17</sup> приводит суждение из воспоминаний некоего Джеймса Ритера, жившего во времена королевы Елизаветы, которое отчасти верно и сегодня: «У них нет привычки ни

почтительно относиться к старшим, ни быть любезными вообще. Следствием этого является мрачный и неуступчивый характер, так что пришелец из других мест поначалу оказывается ошарашен вызывающим тоном любого разговора и свирепым выражением на любом лице».

И в наше время такой пришелец, задав какой-нибудь вопрос местному жителю, наверняка получит резкий и грубый ответ, если только вообще получит. Иногда угрюмость и грубость йоркширцев кажутся даже оскорбительными. Однако если «иностранец» отнесется к их нахальству добродушно, как к чему-то естественному, и отдаст должное их скрытой доброте и гостеприимству, то эти люди покажутся ему достойными, щедрыми и надежными. В качестве небольшой иллюстрации того, что у жителей этих отдаленных поселений грубоватость манер присуща всем слоям общества, я могу рассказать о случае, происшедшем со мной и моим мужем три года назад в городке Аддингаме, — этот город упоминается в стихах:

Из Пениджента, Пендл-Хилл,  
Из Линтона, из Аддингама,  
Из Крейвена всего мужи  
За сильным Клиффордом пришли...<sup>18</sup>

Этот городок — один из тех, которые послали своих воинов сражаться в битве при Флодден-Филд, — расположен неподалеку от Хауорта.

Мы ехали по улице и вдруг увидели истекающего кровью человека, — по-видимому, он был из тех несчастливцев, которые притягивают к себе беды, как магнит железо. Его угораздило прыгнуть в речку, протекавшую через деревню, куда все бросали битое стекло и бутылки. Теперь он, обнаженный, шел по улице к близлежащему

домику, шатаясь и обливаясь кровью. У него не просто была ранена рука, а оказалась перерезана артерия, и дело вполне могло завершиться смертельным исходом. Впрочем, шедший навстречу родственник успокоил его, сказав, что если это произойдет, то «много возиться не придется».

Мой муж остановил кровотечение, перетянув руку несчастного ремнем, одолженным одним из зевак, и спросил, послали ли за доктором?

— Та послали, — последовал ответ. — Только он не придет.

— Почему же?

— Та старый он, понимаешь, и с астмой, а тут в гору переть.

Мой муж, взяв в качестве провожатого мальчишку, поспешил за врачом, чей дом находился, как выяснилось, менее чем в миле от места происшествия. Когда они подошли к дверям, оттуда вышла тетушка раненого парня.

— Идет доктор? — спросил мой муж.

— Та не. Нейду, грит.

— Но вы ему сказали, что раненый может истечь кровью?

— А то.

— Ну и что он ответил?

— Та грит: хрен с ним, мне что за дело?

Кончилось тем, что врач выслал на помощь своего сына, который был «не по докторской части», но тем не менее сумел оказать первую помощь — забинтовал руку. Оправдание поступка врача местные находили в том, что «ему восемьдесят почти, он не петрит уже ничего, а детей у него аж двадцать».

Самым спокойным среди зевак выглядел брат поранившегося парня. Пока тот лежал в луже крови на полу,

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ  
ЖИЗНЬ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ

Ответственный редактор Алла Степанова  
Художественный редактор Виктория Манацкова  
Технический редактор Мария Антипова  
Компьютерная верстка Ирины Варламовой  
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова  
Корректор Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2026.  
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.  
Усл. печ. л. 42,14 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін  
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:  
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)  
Ақпараттық өнім белгісі  
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)



A-ILN-41299-01-R